

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Старуха Бяйбярикян с пятью коровами. Якутская народная сказка

Жила-была маленькая старушка Бяйбярикян. Всё её богатство состояло из пяти дойных коров, и соседи её так и звали: старушка Бяйбярикян с пятью коровами. Коровы поили её молоком, давали ей масло и сметану. Тем старушка и жила.

Однажды летним утром пошла старушка Бяйбярикян в поле проведать своих коров. На поле она увидела необыкновенную хвощ-травинку с пятью отростками. Старушка Бяйбярикян бережно, не сломав ни одного отростка, не повредив ни одного корешка, выкопала хвощинку, принесла в юрту и положила под одеяло на подушку.

Пришло время доить коров. Старушка Бяйбярикян вышла из юрты, взяла подойник. Но только первые струйки молока зазвенели о дно подойника – в юрте зазвенели колокольчики-бубенчики и раздался стук упавшего напёрстка. Разлив молоко, старушка поспешила в юрту. Прибежала, посмотрела – всё как было, всё на своём месте; на подушке хвощинка лежит трава-травую.

Опять вышла старушка Бяйбярикян к своим коровам, опять взялась за подойник. И опять, только ударились о дно подойника первые струйки молока – зазвенели колокольчики-бубенчики, а следом раздался звон упавшей иголки. Кинулась старушка в юрту, опрокинув второпях подойник, открыла дверь, видит – лежит хвощинка на подушке трава-травую. "Что за диво? – думает старушка. – Раздаются какие-то звоны, словно бы лишь для того, чтобы я проливала молоко".

В третий раз принялась старушка Бяйбярикян за доение. И снова зазвенели в юрте колокольчики-бубенчики, и раздался стук упавших ножиц. Опрокинув в спешке подойник, вбежала старушка в дом и видит – сидит на постели девушка невиданной красоты: на белом лице сияют драгоценными камнями глаза, а брови над ними – как два чёрных соболя.

Это хвощинка превратилась в такую девушку.

Обрадовалась Бяйбярикян, обнимает её, дочерью своей называет.

Стала девушка жить вместе с маленькой старушкой Бяйбярикян и её пятью коровами. Ухаживала за коровами, помогала по дому. Долго они так жили.

Однажды молодой охотник Харжит-Берген отправился на охоту в тайгу.

Увидел он серую белку, прицелился в неё, выстрелил – не попал. Вскочила белка на ёлку, с ёлки на берёзу перепрыгнула, с берёзы – на лиственницу: лес велик, всяких деревьев в нём много. Целый день, с раннего утра до заката солнца, гнался Харжит-Берген за белкой, но сколько ни стрелял – попасть не мог. Дивился и досадовал на себя молодой охотник. Выходит, зря ему такое имя дали. Берген – значит меткий, а какой же он меткий, если обыкновенную белку подстрелить не может!

Доскакала белка до юрты старушки Бяйбярикян с пятью коровами и уселась на растущую поблизости сосну.

Подбежал Харжит-Берген к сосне и – уже в который раз! – выстрелил. Нет, опять не попал. Прошла стрела мимо и упала в трубу юрты!

– Старуха, вынеси стрелу, отдай мне! – крикнул Харжит-Берген.

Никто ему стрелу не вынес, никто не ответил. Охотник крикнул ещё раз, и опять никто на его крик не отозвался.

Рассердился, разобиделся Харжит-Берген, аж покраснел от гнева, и сам вбежал в юрту.

Вбежал, увидел девушку и от её неопишуемой красоты в обморок упал. А когда очнулся, ни слова не говоря, вихрем вылетел из юрты, сел на коня и поскакал домой.

– Мой отец, моя матушка! – ещё с порога возгласил он. – У маленькой старушки Бяйбярикян с пятью коровами, оказывается, такая красивая, такая хорошая дочка. Возьмите эту девушку, дайте мне в жёны!

Отец Харжит-Бергена тут же послал гонцов на девяти конях за девушкой-красавицей.

Во весь опор помчались гонцы, летящих птиц догоняли и перегоняли. Прискакали к старушке Бяйбярикян с пятью коровами. Зашли в юрту, увидели девушку и тоже обмерли от её красоты. А когда очнулись, самый старший и рассудительный спросил у хозяйки:

– Старушка Бяйбярикян, отдай свою дочку молодому Харжит-Бергену в жёны!

– Почему бы не отдать, – ответила старушка. – Отдам!

Спросили у девушки, пойдёт ли она.

– Пойду, – сказала девушка.

– А какой калым будет? – спросила старушка Бяйбярикян.

– Какой потребуешь, такой и будет.

– Хорошо. Тогда наполните моё чистое поле всяким скотом. И как только это будет сделано, можете забирать девушку.

Живо пригнали на поле старушки Бяйбярикян столько коров и лошадей, что и самого поля не стало видно. После этого ловко и проворно одели и нарядили девушку. Привели чубарую лошадь, которая понимала человеческую речь, и зауздали её серебряной уздой, оседлали серебряным седлом, а к седлу серебряную плётку привесили.

Харжит-Берген взял невесту за руку, вывел из юрты, на чубарую лошадь посадил, домой повёз.

Едут они краем тайги. Видит Харжит-Берген – лисица бежит. Взыграло его охотничье сердце, говорит он невесте:

– Поскачу я в тайгу за лисицей. А ты поезжай пока одна. Вскоре дорога разделится на две: одна пойдёт на восток – там будет висеть соболья шкура, другая дорога идёт на запад – там увидишь шкуру медведя. На западную дорогу не сворачивай. Поезжай той, где повешена на дереве соболья шкура. Я тебя скоро догоню.

Сказал так и ускакал.

Отправилась девушка дальше одна. Едет, едет, доехала до развилки. Доехала и позабыла, что ей наказывал Харжит-Берген: повернула на ту дорогу, где висела медвежья шкура, и приехала к большой железной юрте.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вышла из юрты дочь восьминогого абаасы¹, в железные одежды одетая, с одной кручёной ногой, с одной-единственной кручёной рукой, с одним, на середине лба, мутным, холодно блестящим глазом, с длинным чёрным языком, спускающимся на грудь.

Схватила она девушку, стащила с лошади, сорвала кожу с её лица и напялила на своё лицо. Весь красивый убор сняла с неё – сама в него оделась. Сделав это, села дочь абаасы на чубарую лошадь и поехала на восток.

Харжит-Берген догнал её, когда она уже подъезжала к юрте его отца. Не догадался жених, что за невеста едет с ним рядом.

Много народу собралось встречать невесту. Девять молодых стали с одной стороны коновязи, чтобы принять повод её лошади. Восемь девушек стали с другой стороны, чтобы привязать тот повод к коновязи. А вышло так, что невеста сама привязала свою лошадь к обломанному сучку ивы, за который старуха скотница привязывала пёстро-голого бычка. Огорчило это встречающих юношей и девушек, хоть они и не подали вида. Да в конце концов и надо ли придавать большое значение тому, куда невеста привязала лошадь? Все ждали, что и как будет дальше. Девушки между собой говорили:

– Вот вымолвит невеста слово – красные бусинки посыплются на землю. Подбирать да нанизывать их будем.

Для этого они и нитки припасли.

Молодцы думали: "Где будет ступать невеста – там, по её следу, соболи побегут. Стрелять их будем".

Для этого и стрелы приготовили.

А невеста слово вымолвила – лягушки посыпались; невеста шагнула – облезлые горностаи побежали.

Тут уже и все встречающие опечалились, огорчились.

От коновязи до юрты настлала зелёной травы. Взяли невесту за руку, в юрту повели. Вошла она в юрту, разожгла, по обычаю, тремя верхушками молодых лиственниц огонь в очаге. После этого начался свадебный пир.

Пили, ели, веселились. Никто о подмене не догадался.

А старуха Бяйбяркян вскоре после свадьбы опять пошла как-то на поле своих коров проведать. Пришла, видит – на знакомом месте снова выросла хвощ-трава о пяти отростках, лучше прежней. Выкопала её старуха вместе с корнем, бережно в юрту принесла, завернула в одеяло, на подушку положила.

Пришло время доить коров. Взяла старуха подойник, вышла из юрты. Только зазвенел под молоком подойник – в юрте колокольчики-бубенчики зазвенели, ножницы со стуком на пол упали. Вбежала старуха в юрту – сидит на постели та же девушка-красавица, только ещё красивей прежней.

– Как ты пришла, как здесь очутилась, дочка? – спросила Бяйбяркян.

– Мама, – ответила девушка, – когда Харжит-Берген повёз меня отсюда и увидел на опушке леса лисицу, он сказал мне: "Я поскачу в лес за лисицей, а ты поезжай по дороге, где повешена соболья шкура; на ту дорогу, где повешена медвежья шкура, не сворачивай". Забыла я его наказ, поехала не в ту сторону и доехала до железной юрты. Из неё вышла дочь восьминогого абаасы, стащила меня с лошади, содрала с моего лица кожу и накинула на своё лицо. Весь мой убор-наряд тоже с меня сорвала, сама в него нарядилась. Потом села верхом на мою лошадь и поехала, а тело моё бросила. Серые собаки схватили меня зубами, грызли и таскали моё тело и бросили в широком поле. Тут я и выросла снова хвощ-травой. Как мне теперь найти-увидеть Харжит-Бергена?

Старуха Бяйбяркян утешать девушку стала.

– Увидишь, встретишь, – сказала она. – А пока живи у меня любимой дочерью, как и раньше жила.

И стала девушка-хвощинка снова жить у маленькой старухи Бяйбяркян с пятью коровами.

Чубарая лошадь, понимавшая человеческий язык, как только узнала, что её хозяйка ожила, сама обрела дар человеческой речи и пожаловалась отцу Харжит-Бергена.

– Слушай, что я тебе скажу, господин, – проговорила она. – Дочь восьминогого абаасы погубила мою хозяйку! Когда твой сын Харжит-Берген оставил девушку одну, доехала она до развилки, свернула на ту запретную дорогу, где висит медвежья шкура, и приехала к железной юрте. Из юрты выскочила дочь абаасы, содрала с её лица кожу и прикрыла своё лицо. Стащила весь праздничный убор-наряд и нарядилась в него сама. И живёт теперь дочь абаасы в твоей юрте, твоей невесткой стала. А моя хозяйка снова ожила, снова стала дочерью старухи Бяйбяркян. Возьмите её, приведите в юрту, отдайте сыну. А не то дочь абаасы очаг ваш разрушит, житься никому не даст, погубит вас всех!

Выслушал старик слова чубарой лошади, за голову схватился, стремглав в юрту вбежал.

Увидела его дочь абаасы, должно быть, догадалась, почернела вся.

– Сын, – спросил старик Харжит-Бергена, – откуда ты привёз свою жену?

– Я привёз дочь маленькой старухи Бяйбяркян с пятью коровами! – ответил Харжит-Берген.

– Какой масти была лошадь, на которой ты её вез?

– Лошадь была чубарая, понимающая человеческую речь.

– Так вот, чубарая лошадь сказала мне, что когда ты оставил девушку одну и она доехала до развилки, то свернула на ту дорогу, где висит медвежья шкура. Приехала она к железной юрте. Из юрты выскочила дочь восьминогого абаасы, с лошади её стащила, с лица кожу содрала и своё лицо прикрыла, в серебряный убор её нарядилась. Так, обманом, сюда и приехала. И недаром лошадь не к разукрашенной коновязи, а к старой корявой иве привязала... Ступай, сын, к старухе Бяйбяркян, упроси-умоли девушку вернуться к нам. Приведи её во что бы то ни стало! А дочь восьминогого абаасы, как велит чубарая лошадь, привяжи к хвосту дикого коня и выгони его в поле – пусть он разметет там её кости. А не то погубит она всех нас – и людей, и скотину!

Услыхал это Харжит-Берген – и устыдился, и разгневался. Схватил коварную дочь абаасы за ногу, выволок из-за занавески, привязал к хвосту дикого коня. Помчался конь в широкое поле, залягал её до смерти. Тело и кровь злодейки, говорят, превратились потом в червей и гадов, которые живут на земле и по сей день.

После этого поскакал Харжит-Берген к старухе Бяйбяркян с пятью коровами. Соскочил с коня, ещё не доехав до коновязи, – так торопился. Увидела его старуха Бяйбяркян, выбежала навстречу, обрадовалась, как потерявшемуся, который нашёлся, как умершему, который ожил. От коновязи до юрты постлала зелёной травы; на радостях лучшую свою корову заколола.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А девушка подошла к Харжит–Бергену, взглянула на него, заплакала.

– Зачем ты пришёл ко мне? Ты дал дочери абаасы пролить мою алую кровь, разорвать мою белую кожу, отдал меня на растерзание свирепым псам... После этого какую ты теперь жену ищешь здесь? Девушек больше, чем окуней, женщин больше, чем хариусов,– ищи жену среди них, а как я могу пойти за тебя?

– Не отдавал я тебя дочери восьминоного абаасы,– сказал Харжит–Берген,– не отдавал на растерзание свирепым псам! Ты же знаешь, погнался я за лисицей, а тебе дорогу указал. Но ведь я тебе не говорил: "Ступай навстречу смерти!"

Старушка Бяйбяриякян, глядя на молодых, прослезилась от счастья, потом смахнула слезы с обоих глаз на обе стороны, между девушкой и Харжит–Бергеном села:

– Как вы, ожив после смерти, отыскавшись после потери, увидели друг друга и не радуетесь? Скажу вам: опять любите друг друга, живите в дружбе, И пусть никто из вас моих слов не ослушается!

Девушка тихо сказала:

– Хорошо, не ослушаюсь тебя. Всё старое забуду.

А Харжит–Берген вскочил, запрыгал от радости, заплясал, стал девушку обнимать–целовать. Начали они играть и никак не могли наиграться, стали разговаривать и никак не могли наговориться. А потом чубарую лошадь оседлали серебряным седлом, зауздали серебряной уздой, покрыли серебряной попоной, навесили серебряные переметные сумы, пристегнули у седла серебряную плётку. Девушку одели–нарядили, в путь–дорогу снарядили.

Долго ли, коротко ли молодые ехали, к юрте отца Харжит–Бергена приехали.

Все родные, все девять братьев Харжит–Бергена вышли встречать невесту.

От коновязи до юрты устлали дорогу зелёной травой.

"Приедет невеста,– думали молодцы,– ступит на землю, и по её следам побегут соболи".

Готовили они стрелы для этого, и так старательно работали, что с больших пальцев кожа сошла, а от долгого прицеливания глаза скозились на сторону.

Восемь девушек–сестёр нитки сучили так, что с ладоней кожа сошла. Ждали невесту, думали: "Как явится на жениховом дворе да звонко заговорит – посыплется изо рта её дорогие красные бусинки".

Приехал Харжит–Берген с невестой. Девушки приняли поводья их коней и привязали у коновязи. Приняли невесту на руки, спустили на землю. Заговорила невеста – словно колокольчики–бубенчики зазвенели, посыпались красные бусинки. Принялись девушки собирать их да на нитки нанизывать. Пошла невеста к юрте – соболи побежали по её следам. Стали молодцы стрелять в соболей.

Вошла невеста в дом, растопила очаг тремя верхушками молодых лиственниц – запылал ярко огонь и всё в юрте, как солнцем, осветил...

Начали играть свадьбу. Съехались–собрались на неё гости изо всех племён, изо всех улусов. Целую неделю ели, пили, веселились. Были тут певцы, были тут плясуны, были тут сказочники, борцы, бегуны и прыгуны.

Кончился пир. Разъехались гости.

А Харжит–Берген с женой–хвощинкой стали жить–поживать да добра наживать. Долго жили. Говорят, внуки их до нынешнего дня живут.

-----

¹ Абааса – общее название сказочных злых существ у якутов.